

УДК 821.161

Н. М. Раковская,

кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой мировой литературы филологического
факультета

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина,
тел.: +380482681342,
svitova_literatura_onu@ukr.net

ТОПОЛОГИЯ ПИСЬМА КАК ПОСТИЖЕНИЕ ИНТИМНОЙ ФИЛОСОФИИ В. РОЗАНОВА

В статье рассматривается концепция интимной философии В. Розанова, реализуемая в письме. Указывается, что письмо критика является отражением его сознания. Критику свойственен особый интересубъективный взгляд на мир, в центре которого антропологическая сущность человека. Акцентируется внимание на взаимосвязи понятий *Бог – семья – пол*. Рассматривается малый и большой мир в понимании критика. Малый мир соотносится с обыденностью, большой – с божественным и бытийным. В культурно-историческом блоке внимание В. Розанова сосредоточено на мироощущении Н. Гоголя и Ф. Достоевского. Н. Гоголь воспринимается как знак демонизма, Ф. Достоевский – как знак страдания и жертвенности.

Ключевые слова: письмо, страдания, божественное, стихийное, семья.

Осенью 1902 года Д. Мережковский и П. Перцов начали подготовку к изданию журнала „Новый путь”. Журнал был вполне светский, но в программе значилось обсуждение религиозных вопросов „в духе Вл. Соловьева”, а также печатание стенографических отчетов религиозно-философских собраний. Литераторов, работающих в журнале, было изрядное количество: и литературная молодежь

(А. Блок, Л. Семенов, В. Пяст), и литераторы постарше (Вяч. Иванов, Д. Мережковский, Д. Философов, З. Гиппиус), даже В. Брюсов согласился писать ежемесячные обзоры иностранной литературы. „О Розанове что и говорить, – вспоминала З. Гиппиус. – Он был несказанно рад журналу. Прежде всего – упросил, чтобы ему дали постоянное место, „на что захочет”, и чтобы названо оно было „В своем углу”.

Первый номер „Нового пути” в скромной лиловой обложке (без „прелестных” рисунков, которые предлагал Л. Бакст и которые отклонил редактор В. Перцов) вышел в начале 1903 года. А уже в апрельском номере В. Розанов из „своего угла” отвечал „серьезным критикам” издания: „Новый путь”, сколько бы он ни имел в себе неосторожностей и ошибок, – родился все-таки как вдохновение, и входит вдохновенно в ряды старой журналистики”.

В. Розанов знал, что говорит: впервые его вдохновение не просто обрело „свой угол”, теперь он стал обладателем не только „дара речи”, но и „места встречи”, здесь он мог быть самим собой и думать вслух. „В своем углу” В. Розанов впервые предался лирической стихии, преодолев отвлеченный пафос нововременского журнализма. Здесь он вполне мог чувствовать себя „уединенно”, ловить „мимолетные” настроения и ввиду приближающейся осени готовить коробка для „опавших листьев”. Момент созревания его литературного таланта приходится на начало XX века. Обретение „своего угла” этому способствовало. Лирическое письмо В. Розановым создается только для себя и становится универсальной формой осуществления смысла „несу литературу как крест мой”. Данная концепция порождала бесконечную противоречивость суждений В. Розанова, вследствие чего А. Лосев считал В. Розанова гениальным критиком, но мистически мыслящим. Неоднозначные выводы А. Лосева обусловлены экзистенцией автора „Уединенного” и „Опавших листьев”, пытавшегося уловить живую и моментальную антиномичность событий и явлений в его собственном меняющемся сознании. О своем сознании В. Розанов писал: „Я никогда не догадывался, не искал... Эти обыкновеннейшие способности ... исключены из моего существа. Но меня вдруг по-

ражало что-нибудь. Мысль или предмет. Пораженный <...> я смотрел на эту мысль или предмет, иногда годы. В отношении к предметам и мыслям была зачарованность” [6, с. 312].

Незыблемым в концепции письма оставалось одно – духовная эволюция совершалась внутри религиозного сознания: „Бог поселился во мне, – писал он. С того времени <...> каковы бы ни были мои отношения к церкви, что бы я ни делал, что бы ни говорил или писал, прямо или в особенности косвенно, я говорил и думал собственно только о Боге; так как Он занял меня всего, без какого-то остатка, в то же время как-то оставив мысль свободною и энергичною в отношении других тем” [8, с. 342].

Высшей точки сомнения В. Розанова достигли в статье об „Иисусе Сладчайшем”, где он пишет о темном лике христианства, о людях лунного света, так широко представленных в творчестве Н. Гоголя и Ф. Достоевского. Церковь, замечал критик, воспринимала христианство как поклонение смерти. Размышления критика близки наблюдениям Н. Гоголя, который писал: „Есть страсти, есть явления (например, рождение-смерть), которых избрание не от человека. Уже родились они с ним в минуту рождения его в свет и не дано ему сил отклониться от них. Внешними начертаниями они ведутся, есть в них что-то вечно зовущее, не умолкающее во всю жизнь” [2, т. 14, с. 569].

Метафизический индивидуализм Н. Гоголя и экзистенциальное одиночество В. Розанова – явления одного порядка. Сознание критика и писателя интерсубъективно.

Заметим, что впервые В. Розанов дает критический анализ творчества Н. Гоголя в работе о Ф. Достоевском. Это не случайно. Н. Гоголь был „бесом” В. Розанова, Ф. Достоевский – кумиром. Тем более, что Ф. Достоевский писал о страшном гоголевском смехе и его могуществе, о том, что Н. Гоголь умер, уморив сам себя „в бессилии создать и в точности определить себе идеал, над которым бы он мог не смеяться”. За светлым творчеством А. Пушкина, с точки зрения Ф. Достоевского и В. Розанова, следует совсем другое направление в литературе. „Дьявол вдруг помешал палочкой дно, и со дна пошли

токи мутных болотных пузырьков. Это пришел Гоголь. За Гоголем все. Тоска. Недоумение. Злоба... Лишние люди. Тоскующие люди". Так характеризует критик появление Н. Гоголя на литературной арене. Для В. Розанова, так же, как и для Ф. Достоевского, смех не просто воплощение отрицания идеала, но и мистическое олицетворение другого мира, часть сатанизма. В отличие от персонажей Н. Гоголя (колдун из „Страшной мести”) и Ф. Достоевского (Ставрогин в „Бесах”), у В. Розанова нет страха смеха, он лишь отрицает его как одну из частей зла, ибо сатира „происходит из ада и преисподней, да и вообще, кто же делает из смеха содержание своей жизни” [7, с. 437].

В. Розанов сознает необходимую для Н. Гоголя миссию „удерживающего”. Ведь именно в „Завещании” Н. Гоголь напишет, как это для него важно, „Чтобы дом и деревня их (сестер и матери) походили на гостиницу и странноприимный дом, чем на обителище помещика, чтобы всякий, кто ни приезжал, был ими принят как родной и сердцу близкий человек <...> чтобы никто <...> не уезжал сколь-нибудь не утешенным” [2, т. 14, с. 516]. „Удерживающий” сосредотачивает в себе мир веры и молитвы, реализуемые в тексте как конкретная пространственная граница. Критиком выявляется религиозно-философский код гоголевского текста, он интуитивно почувствовал, что православная церковь явится главным „удерживающим” от мира зла. Катастрофа в гоголевском мире наступает в том случае, когда сакральное место (церковь) утрачивает способность противостоять натиску демонических сил и, десакрализуясь, превращается в свою противоположность, в место бевсовское. Вламывающиеся в окна дома свиные рыла в „Сорочинской ярмарке”, земляная нечисть во главе с Вием, врывающаяся в церковь, – символы этого неотвратимого вторжения предвечной „животнодемонической плоти в мир людей и культуры”. Очевидно, что и для самого В. Розанова религия и Бог были всем. „В Боге он двигался и существовал” [1]. Он мог еретичествовать, капризничать, „но никогда не выходил за пределы церковной ограды” [1, с. 10].

В концепции критика „удерживающим” мир от трагического падения является тройка, вся вдохновенная Богом. Её предчувствовал

Н. Гоголь. Преодолевая апостасию, Русь-тройка должна превратиться в духовную вертикаль, как идеал святости. Творческий замысел Н. Гоголя В. Розанов рассматривает как иррациональный, однако фантазмагории Н. Гоголя, воплощенные в сугубо ему присущие гротескные формы, не принимает.

Попытка выявить основу гоголевского демонизма привела критика к выводу об особом душевном состоянии художника. Ссылаясь на Платона в статье „Отчего не удался памятник Гоголю?“ (1909), В. Розанов предполагает наличие безумия у некоторых выдающихся людей, приводящего их к глубоким откровениям в жизни. Н. Гоголь, по его мнению, обладал этим метафизическим качеством. В нем с детства „жило, росло и развивалось это гениальное, особенное, исключительное безумие, которое перед концом всем овладело, разлилось „вовсю“. Это безумие трансформировалось в его душе в метафизическую тоску, которая и определила мировидение и творчество писателя. Укажем, что именно Н. Гоголь привел В. Розанова к постижению жизни и Христа как важнейшего элемента жизни, вследствие чего делом церкви, с его точки зрения, является соборная молитва за всех, спасение душ: поцелуй и утешение, реализуемые в телесном соприкосновении в мире знаковых вещей и обрядов. Именно поэтому, как известно, оторваться от Церкви критик не смог и умирать поехал около церковных стен (возле Троицкой лавры), т. е. начало поиска смысла жизни в Боге и церкви и конец Бытия сошлись в единое системное целое [9, с. 28]. Несмотря на серьезную полемику с Вл. Соловьевым, В. Розанов принимает его идею трех начал: божественного, материального, человеческого. Человек должен одухотворить и обожествить материю прежде всего в себе, путем свободного подчинения своей природы божественному началу. Христос является парадигмой данной структуры как универсума в целом, так и каждой человеческой личности. Посаженное Христом дерево должно соединиться с новым небом, новыми звездами, обилиями вод жизни, – замечал критик. Для него характерна вера в „естество“ человека, в „естество“ природы. Не случайно А. Волжский писал о мистическом пантеизме критика.

Понимая пол как ту сферу в человеке, где он таинственно связан со всей природой, т. е. понимая его метафизически, В. Розанов считает все остальное в человеке выражением и развитием тайны пола. „Пол в человеке подобен зачарованному лесу, обставленному чарами; человек бежит от него в ужасе, зачарованный лес остается тайной” [7]. Символ „зачарованный” повторяется в статье „Семя и жизнь”. Он связан с чудом зарождения жизни, появлением младенца, детских слез, незаконнорожденных детей. В. Розанов, обращаясь к Ф. Достоевскому, замечает: „деточек-поросяточек” учит сладострастному разврату старик Карамазов, лакейским подлостям обучает маленького Илюшу Смердяков, за страдания детей призывает бунтовать Иван, чистоту детских душ стремится спасти Зосима, деятельной любовью согревает детей Алеша, наконец, Митя во сне открывает символику пророческого образа дитя. „За дите и пойду. Потому что все за всех виноваты”. „Дите” – это правда, которую жаждет постичь Митя и, постигнув, уже никогда от нее не откажется. Объясняя сущность данной правды, Ф. Достоевский писал: „Потому, что никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребишь, не замртишь и не искоренишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Он может страшно упасть; но в моменты самого полного своего безобразия он всегда будет помнить, что он только безобразник и более ничего; но что есть где-то высшая правда” [3, т. 30, с. 689].

В. Розанов комментирует: „Дитя – это возвращение к вере и милосердию, воплощенному в православном подвиге страсотерпия. Смысл жизни (символ дитя) в том, чтобы творить добро, „луковку” подавать нуждающимся и пострадать за дите”. Знаковый код В. Розанова означает, что семья как религиозное соединение сохраняет свою целостность благодаря молитве „спаси и сохрани”. Неслучайно ритмическое движение текстов „Уединенного” и „Опавших листьев” напоминает непрерывное слезное звучание молитвы-псалмодия (исполнение псалмов на основе ритмизации с определенной речитацией) [5].

Итоговые моменты формулируемой В. Розановым концепции человека об этом: жизнь – это мир любви, боли уединения, страдания святости. Быть обманутым в истории есть постоянный удел человека. Единственное, где человек может ощутить свое „я”, есть семья, которую рационально построить нельзя, ибо она – институт иррациональный, мистический. Размышляя о пушкинской Татьяне, В. Розанов обратил внимание, что в ее жизненном мире не оказалось ни детей, ни друзей, не было даже „маленькой собачки” – всех тех атрибутов, без которых нет существа семьи, тепла и смысла жизни женщины. Видимо не случайно через три дня после известия о смерти сына и за несколько месяцев до собственной кончины с его души сошел еще один мажорный „вздых”: мир, кажется, весь сплетается из музыки <...> И песни человеческие, и грусть человеческая, самые скорби его, самые печали – все так прекрасно, неизъяснимо волнует. В работе „Сумерки просвещения” (1899) семья названа не социальной или кровно-родственной институцией, а местом переплетения „наслаждения и страха одновременно”, в котором „все полно мысли, выразительности, тревог”. В. Розанов считал, что его метод исследования, направленный на интимизацию объекта (в данном случае – семья), определяется самим предметом – тем, что он называл „малым миром” по сравнению с „большим”. „Малый мир” имеет совсем иной ландшафт: в нем все местное (родное, то есть болевое) и хорошо различимы фигуры серо-черного фона: „По углам „фона” сидят молчаливые фигуры. С взглядом задумавшихся глаз <...>”. Их время и пространство ограничено. Архаическая семья, по В. Розанову, это „вопрос (нужда) стад, вопрос тельцов” – „множества”, „тьмы тьмущей”, которая не укладывается в новоевропейский семейный канон. Фигура „жены” (как и фигура „мужа”) в архаической семье определяется через принадлежность к роду, т.е. не является самостоятельной и имманентной фигурой. „Вечное детство брака – вот что мне хочется проповедовать, – подытоживает В. Розанов. – Супруги должны быть детьми” [6, с. 269].

В отношении имени и фигуры жены он совершает амбивалентный жест: с одной стороны, имя жены награждается предельно подро-

ными бытовыми и семейными атрибутами (дети, болезни, врачи, счета, привычки, характерные словечки, подробности туалета, родственники и т.п.); с другой – оно изымается из биографического контекста и даже из контекста реальности, так как в книгах „Уединенное” и „Опавшие листья” В. Розанов постоянно говорит о жене („друге”) в прошедшем времени, лишая ее тем самым настоящего времени, то есть времени реальности, и вынося ее как метафизическое существо – за пределы действительности настолько, что читатель по розановским текстам в принципе не может догадаться даже о том, жива ли его жена. С одной стороны, он рисует сюжетную линию жены и матери, окруженной четырьмя детьми (имена розановских детей – Татьяна, Василий, Вера и Варя все время повторяются в текстах); с другой – „в сущности она жила как-то странно”: и „не от мира сего”, и „от сего мира”. Что-то среднее, промежуточное. Впереди – ничего; кругом – ничего <...> „У неё не было гнева. Злой памяти не было. Скорей вся жизнь, – вокруг, в будущем, а более всего в прошлом, – была подернута серым флером, тоскливым и остропечальным в воспоминаниях”. Создается своеобразная интимная философия критика. В листьях явны отголоски античного восприятия трагического, переданные в многократных упоминаниях о роке, судьбе, фатальности бытия человека: Я думал, что все бессмертно И пел песни, Теперь я знаю, что все кончится И песня умолкла.

Любовь – боль – дар жизни – одиночество объединяет В. Розанова и читателя, делает их сопричастными к божественной тайне, к беседе с Богом, к миру, „в котором смерть есть Рок и судьба и потому нужно выпросить у Бога чувство бессмертия”, ибо в писании прежде всего поражает интимная близость Бога к человеку и человека к Богу, эта освященность всей человеческой жизни Божественным присутствием, „Божественным покровом” [10]. Своеобразный призыв критика – жить естеством, его представления о „чистой” внеязыковой реальности, сталкиваясь с проблемой „выражения невыразимого” (жизни как потока интенциональных переживаний), оформляются в миф о творчестве и становятся особым способом организации текста.

Список использованных источников и литературы

1. Бачинин В. А. Христианская мысль: Библия и культура. Христианство, социология и антропология / В. А. Бачинин. – СПб. : Изд-во „Новое и старое”, 2006. – Т. VIII. – 180 с.
2. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. / Н. В. Гоголь. – М. : АН СССР, 1938–1952.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990.
4. Литература и христианство: [сб. ст.] / гл. ред. В. А. Бачинин. – М. : РГГУ, 2010. – 544 с.
5. Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский / К. Мочульский. – М. : Республика, 1995. – 606 с.
6. Розанов В. В. О себе и о жизни своей / В. В. Розанов. – М. : Республика, 1996. – 876 с.
7. Розанов В. В. Легенда о Великом Инквизиторе / В. В. Розанов. – М. : Наука, 1996. – 702 с.
8. Розанов В. В. Несовместимые контрасты бытия / В. В. Розанов. – М. : Искусство, 1990. – 605 с.
9. Тарасов Б. Н. Мыслящий тростник / Б. Н. Тарасов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 896 с.
10. Флоровский Г. В. Богословские отрывки / Г. В. Флоровский // Избранные богословские статьи. – М. : Пробел, 2000. – 318 с.

References

1. Bachinin V. A. Khristianskaya mysl': Bibliya i kul'tura. Khristianstvo, sotsiologiya i antropologiya / V. A. Bachinin. – SPb.: Izd-vo „Novoe i staroe”, 2006. – T. VIII. – 180 p.
2. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t. / N. V. Gogol'. – M. : AN SSSR, 1938–1952.
3. Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. / F. M. Dostoevskiy. – L. : Nauka, 1972–1990.
4. Literatura i khristianstvo: [sb. st.] / gl. red. V. A. Bachinin. – M. : RGGU, 2010. – 544 p.
5. Mochul'skiy K. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskiy / K. Mochul'skiy. – M. : Respublika, 1995. – 606 p.

6. Rozanov V. V. O sebe i o zhizni svoey / V. V. Rozanov. – M. : Respublika, 1996. – 876 p.
7. Rozanov V. V. Legenda o Velikom Inkvizitore / V. V. Rozanov. – M. : Nauka, 1996. – 702 p.
8. Rozanov V. V. Nesovmestimye kontrasty bytiya / V. V. Rozanov. – M. : Iskusstvo, 1990. – 605 p.
9. Tarasov B. N. Myslyashchiy trostnik / B. N. Tarasov. – M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. – 896 p.
10. Florovskiy G. V. Bogoslovskie otryvki / G. V. Florovskiy // Izbrannye bogoslovskie stat'i. – M. : Probel, 2000. – 318 p.

Н. М. Раковська

ТОПОЛОГІЯ ПИСЬМА ЯК ОСЯГНЕННЯ ІНТИМНОЇ ФІЛОСОФІЇ В. РОЗАНОВА

У статті розглядається концепція інтимної філософії В. Розанова, яка реалізується в письмі. Вказується, що письмо критика є невід'ємним від його свідомості. Критику властивий особливий інтерсуб'єктивний погляд на світ, в центрі якого антропологічна сутність людини. Акцентується увага на взаємозв'язку понять *Бог – родина – стаття*. Проаналізовано малий і великий світи в розумінні критика. Малий світ співвідноситься з буденністю, великий – з божественним і буттєвим. У культурно-історичному блоці В. Розанова зосереджено увагу на світовідчутті М. Гоголя і Ф. Достоєвського. М. Гоголь сприймається як знак демонізму, а Ф. Достоєвський – як знак страждання і жертвності.

Ключові слова: письмо, страждання, божественне, стихійне, сім'я.

N. M. Rakovskaya,

Candidate of Philology, Associate Professor,
Chair of World Literature Department
Odesa I. I. Mechnikov National University,
24/26, Frantsuzky Blvd., Odesa, 65058, Ukraine,
tel.: +380482681342,
svitova_literatura_onu@ukr.net

TOPOLOGY OF WRITING AS UNDERSTANDING OF INTIMATE PHILOSOPHY OF V. ROZANOV

Summary

The conception of intimate philosophy of V. Rozanov, realized in a letter, is examined in the article. It is pointed out that the writing of the critic is the reflection of his consciousness. The critic has a special intersubjective view of the world, in the center of which there is the anthropological essence of man. Attention is focused on interconnection of the concepts 'God – family – sex'. The small and large worlds are examined in the understanding of the critic. The small world correlates with the commonness; the large world is connected with the divine and life. In the cultural and historical aspect V. Rozanov's attention is concentrated on the world feeling of N. Gogol and F. Dostoevsky. N. Gogol is perceived as a sign of demonism, F. Dostoevsky as a sign of suffering and sacrifice. The special attention is spared to meaningfulness of literature as the divine phenomenon allowing to get to know the world of Space and Chaos. Lyric epic narration by V. Rozanov becomes the universal form of I-carry-literature-as-my-cross sense. Rhythmic construction of phrases is close to that of the prayer.

Key words: writing, suffering, divine, elemental, family.

Надійшла до редакції 4.07.2017 р.